

I тысячелетие до н. э.— время железного меча и плуга, героическая эпоха в жизни народов Европы.

На Северном Кавказе, частью которого является Центральный и Северо-Восточный Кавказ, это пора формирования первых этнических общностей — военных и племенных союзов, время сложения прославленного нартского эпоса.

Этнические и политические процессы, протекавшие в этот период в крае, во многом предопределили последующую историю региона.

По мнению крупнейшего советского археолога-кавказоведа Е. И. Крупнова, это подтверждается тем, что границы ареалов археологических культур эпохи железа и раннего средневековья и их локальных вариантов почти совпадают с границами расселения современных северокавказских народов — адыгов, осетин и вайнахов (чеченцев и ингушей). «Еще в процессе становления местных культур I тысячелетия до н. э. на Северном Кавказе (кайкаентско-хорочоевской в Дагестане и частично в Чечне, кобанской со всеми ее тремя вариантами в центральной части края и прикубанской на Северо-Западном Кавказе), после последовательного и неоднократного внедрения ираноязычных элементов, стали формироваться основы будущих народностей Северного Кавказа: дагестанских, чечено-ингушской, осетинской и адыго-черкесо-кабардинской». И далее: «Именно такой вырисовывается этнография или племенная карта Северного Кавказа эпохи V—XI вв. н. э. ...эта племенная карта средневековой эпохи почти совпадает с границами установленных нами трех локальных вариантов кобанской культуры. Еще важнее отметить, что эта локализация культурных вариантов древнего Кобана также почти совпадает с границами трех скальных районов бытования культур северокавказских алан, установленных для V—XI вв.»¹. Это положение Е. И. Крупнова получило дальнейшее обоснование в работах его учеников и последователей (В. А. Кузнецова, В. И. Козенковой и других). Казалось, в этом вопросе все уже ясно и неизбежно. Но вот, в только что вышедшей в свет капитальной монографии «Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время» В. Б. Виноградов поставил под сомнение правомерность тезиса Е. И. Крупнова: «Настораживают... слишком уж стабильные и едва ли не тождественные очертания на картах Северного Кавказа локальных вариантов местных культур и эпохи бронзы (В. И. Марковин), и начала раннего железа (Е. И. Крупнов), и раннего средневековья (В. А. Кузнецов), почти совпадающих к тому же с современным административно-политическим делением края» (стр. 298). И в другом месте: «...кажется просто невероятной возможностью „почти полного совпадения“ карты средневековых народностей срединной части Северного Кавказа и даже современного деления края на автономные республики с границами всех предыдущих локальных вариантов местных культур вплоть до II тысячелетия до н. э. Если даже отвлечься от общеизвестной подвижности этнических границ и закономерных путей распада древних этнических общностей доклассовой эпохи, то такая трактовка очень плохо согласуется с тем, что обычно границы народностей не совпадали с рубежами владений предшествующих им племен и племенных объединений. Поэтому условной и требующей серьезного обоснования представляется картина стабильного и «непосредственного преемственного» толкования древних и средневековых этнических общностей Центрального и Северо-Восточного Кавказа» (стр. 299).

В свою очередь В. В. Виноградов, основываясь на различиях в погребальных обрядах аборигенного населения VII—IV вв. до н. э. и сопутствующих им вещевых комплексах приходит к заключению, что в пределах горной полосы, ограниченной с Запада верховьями Кубани, а с востока — бассейном реки Аргуна существовало лишь два локальных варианта. Третий ареал локальной культуры был расположен в предгорьях и ближайшей равнине. Эта культура от первых двух отличалась тем, что в ее памятниках сильнее ощущалось влияние соседних кочевых племен.

Выделение локальных вариантов в культуре поздних кобанцев (как условно можно именовать коренное население Северного Кавказа середины I тысячелетия до н. э.), — это лишь одна из задач, которые ставит и решает В. Б. Виноградов в рассматриваемой книге. Другая задача его исследования — освещение взаимоотношений коренного населения края с тогдашними кочевниками степей — скифами (гл. I). Нет нужды говорить о важности названной проблемы для исторической науки в самом широком смысле слова. Взаимоотношение кочевого и оседлого хозяйств на разных ступенях общественного развития народов волнует в равной степени археологов, этнографов и историков-античников и медиевистов. Однако для Северного Кавказа эта проблема имеет особое звучание, так как со скифами некоторые исследователи (Ю. С. Гаглойти, К. Г. Гаккаев, Б. А. Калоев) связывают начало иранизации местного населения, приведшей со временем к образованию осетинской нации.

Путем тщательного анализа письменных источников В. Б. Виноградов показывает, что скифы свои походы в Переднюю Азию совершали преимущественно восточным путем — через Дербент и привычные для скотоводов степи. Путь этот был безопаснее и легче, чем через горы, хотя и несколько длиннее. На этом пути скифы могли найти корм

¹ Е. И. Крупнов, Древняя история Северного Кавказа, М., 1960, стр. 395, 396.

для своих лошадей, а главное, сразу попадали в пределы древней Мидии, с которой вела борьбу союзница скифов Ассирийская держава (гл. 1).

Свидетельства письменных источников автор подкрепляет археологическим материалом из погребений предгорной полосы и прилегающей к ней плоскости, показывая, что соотношение элементов кочевнической культуры и туземной не превышает пропорции 1:10 (гл. 3). «Много это или мало?» — спрашивает автор, и сам же отвечает: — «Я думаю, достаточно для того, чтобы придать особую окраску плоскостным кобанским памятникам на фоне горских, где степное влияние в обряде фактически отсутствует, а в инвентаре очень скромно. Но я убежден, что неизмеримо мало для суждений о завершении в скифское время языковой и любой иной ассимиляции даже только плоскостных кобанцев» (стр. 291).

Весьма ценным в работе В. Б. Виноградова является также и то, что, используя различные источники, он устанавливает неоднородность состава самих кочевнических племен, что прежде, если и допускали отдельные исследователи, то чисто декларативно. «Сегодня уже недостаточно, — пишет В. Б. Виноградов, — простого признания наличия в степях Северного Кавказа погребальных памятников кочевников «скифского» круга (в широком его понимании). Недостаточно и выделений их в массу сугубо местных памятников. Изучение политической истории, проблем этногенеза и эволюции культур населения Центрального и Северо-Восточного Кавказа не может мыслиться без попытки этнокультурной интерпретации каждого отдельного степного памятника, их территориальных групп, характерных разновидностей и всех их в целом» (гл. 2, стр. 39).

В рецензируемой книге рассматриваются и другие сюжеты из этнической истории, материальной и духовной культуры народов Северного Кавказа, находящиеся на стыке интересов различных научных дисциплин, и в частности, археологии и этнографии. В числе их этногенез и ассимиляция одного этноса другим, взаимодействия разнородных культур, попытки дешифровки семантики орнаментальных мотивов и т. д. Именно поэтому, в своем исследовании автор весьма охотно пользуется данными полевой и теоретической этнографии, как впрочем и ряда других смежных наук. Этнограф-кавказовед (да и не только кавказовед) почерпнет в книге В. Б. Виноградова немало интересного, несмотря на возможную спорность решения отдельных затронутых в ней проблем. Книга написана прекрасным языком с хорошим полемическим задором, но в то же время с большим тактом и уважением к мнению оппонентов.

Подводя итог, скажем, что рассмотренная работа представляет собой значительный вклад в кавказоведение в широком смысле этого слова. Вопросы, поставленные и решаемые в книге В. Б. Виноградова, как-то: определение степени воздействия кочевой скифской культуры на местную кобанскую культуру, пересмотр границ локальных вариантов последней и ряд других, вносят существенные коррективы в установившиеся представления о характере этнокультурных процессов на Северном Кавказе, в частности в его Центральных и Северо-Восточных районах, в I тыс. до н. э.

В. П. Кобычев

Т. Д. Баялиева. Доисламские верования и пережитки у киргизов. Под редакцией С. М. Абрамзона. Фрунзе, 1972, 168 стр.

Автор поставил в своей книге две задачи. Первая из них — попытка выяснить место и значение доисламских верований (или их пережитков) в современной идеологии сельского киргизского населения и проанализировать причины их живучести. Это имеет актуальное значение, так как подобные верования играют тормозящую, отрицательную роль в формировании марксистско-ленинского мировоззрения трудящихся.

Вторая задача состоит в научной характеристике местных доисламских верований, у киргизов, которые впервые подверглись специальному изучению. Автор привлекает значительное число разнообразных источников, среди которых главное место занимают ее собственные многолетние полевые наблюдения и записи. Значение впервые введенных в научный оборот материалов велико: они не только служат ценным источником для этнической истории киргизов, для выявления их историко-генетических и этнокультурных связей в историческом прошлом, но и сыграют существенную роль при изучении ранних форм религии.

Пережитки доисламских верований Т. Д. Баялиева изучала в различных районах Киргизии у разных половозрастных групп населения. Это позволило ей обосновать ряд существенных выводов.

Прежде всего установлено, что пережитки доисламских верований исчезают неравномерно. Некоторые из них исчезли совершенно (например, шаманский культ). Другие же оказались живучими: к ним относятся, например, верования, связанные с погребением умершего, с магическим воздействием на погоду и др. Отрицательную роль подобных пережитков автор справедливо видит не только в идейном, моральном ущербе, наносимом ими формированию и развитию научного мировоззрения среди широких слоев сельского населения, но и в материальном отношении. Моления о хорошей погоде (при засухе или наводнениях) сопровождаются жертвоприношением домашнего скота близ мусульманских